

 **НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА**

Евгений ЩЕПЕТНОВ

1972
СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ...



МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Разработка серийного оформления
Владислава Матвеева

Иллюстрация на переплете
Станислав Дудин

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 1972. Союз нерушимый... / Евгений Щепетнов. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с. — (Новый фантастический боевик).

ISBN 978-5-04-117490-3

Шелепин и Семичастный готовят «бомбу», которая разорвется на внеочередном съезде КПСС. Жизнь советских граждан резко изменится — если курс партии и правительства будет направлен в правильную сторону. Но правильная ли она? Кое-кто считает, что нет. И грядет ГКЧП!

Ну а Карпову, как всегда, нужно думать, как выжить, и он должен не просто выжить, но еще и сохранить то, что получилось с его подачи. А это будет очень, очень трудно!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Щепетнов Е.В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-117490-3

Глава 1

— Готов к труду и обороне!

— Вижу, — буркнул Семичастный, отрываясь от каких-то бумаг. — Загорелый! А мы тут бледные, как поганки! Все в работе! Не до пляжей! Бездельник.

— Так вы плюньте на все — и в Крым! — ухмыльнулся я. — Там красотища! Море, скалы... девушки красивые бродят! Хорошо!

— Не до девушек... — вздохнул Семичастный и тут же демонстративно свел брови. — Какие тебе девушки?! У тебя уже есть одна! Гарем завести решил?

— Почему бы и нет? — легкомысленно заявил я, еще не отошедший от недельного отдыха. — Одна варит, другая шьет, третья...

— М-да... — поднял брови председатель КГБ. — Вот нельзя людям слишком много отдыхать. Сразу их куда-то налево тянет.

И тут же посерьезнел:

— Вот что, Карпов... откладывается визит Никсона на два месяца. То есть пройдет он не десятого июня, а в середине августа. Причина нам досконально не известна, но по некоторым данным — у него все еще не прекратилась возня с ФБР и всем, что с ним связано. То есть идут чистки и политическая

работа. Но визит не отменяется, это стопроцентно. Но нам это и на руку. Работаем по плану: ты занимаешься Дачей, готовишь группу «Омега». Там все готово, и первый состав завезли. Твоя группа уже там.

— А что в Сенеже?

— Программу ты составил, так что обучаются по ней. Нормально все в Сенеже. Я тебя вот зачем пригласил...

Семичастный замолчал и посмотрел куда-то поверх головы, постукивая пальцами по столешнице. Потом перевел взгляд на меня и секунд десять смотрел, будто определяя — можно ли со мной говорить на эту тему. Наконец решился:

— В июле состоится съезд партии, на котором будут выдвинуты тезисы, которые определяют нашу жизнь на десятилетия вперед. Многое мы почерпнули из твоей информации, на основании которой и были сделаны выводы. Впрочем — не только по ней. Перемены должны были начаться! Страну нужно перестраивать, нужно изменять! И начинать с идеологии. Генеральный секретарь выступит с докладом, в котором все будет изложено. Есть основания считать, что после того, как пройдет съезд, могут активизироваться деструктивные силы, которым не по душе перемены, происходящие в стране. К тому времени вы должны быть готовы. Я думаю, что, скорее всего, если что-то начнется, то ближе к Новому году. Так что время у нас есть. И еще...

Семичастный снова задумался.

— Еще... тот теракт, что на мюнхенской Олимпиаде. Мы решили, что твои люди должны его предотвратить. Мы отправим несколько человек под видом массажистов или еще кого-нибудь, и они ликвиди-

руют террористов. Ты должен подготовить людей так, чтобы не было осечки. У тебя почти три месяца. Люди для «Омеги» подобраны самые лучшие — из спецназа, часть подобрал сам Аносов. Так что думаю — этого хватит.

— Думаете, будет война? Гражданская война? — мрачно спросил я, глядя в лицо Семичастному.

— Все может быть, — так же мрачно ответил он — Мы держим на контроле, работаем с армией, но... не все в наших силах. Постараемся предотвратить.

— А может, подождать со съездом? С объявлением нового курса? Вначале зачистить верхушку? Всех бунтовщиков!

— Если бы еще и знать — кто они, эти бунтовщики! — вздохнул Семичастный. — Только сам бунт и выявит, кто за нас, а кто против нас. Так что...

— Теория управляемого хаоса? — усмехнулся я, и Семичастный удивленно поднял брови:

— Как ты сказал? Управляемый хаос?

— В моем мире так называют некие действия, направленные на дестабилизацию системы. Политической системы. Расшатывание, но до определенной меры — не допуская революции. И в этом хаосе устанавливается свой порядок.

— Ну что-то вроде того, — пробормотал Семичастный и махнул рукой. — Поезжай. Завтра с утра должен быть на Даче. Лучше всего — живи там, тем более что все условия для этого созданы.

— Вопрос! — сказал я, поднимаясь со стула. — Когда я смогу слетать в Штаты? Мне нужно сыграть роль в фильме, я обещал кинокомпании. А еще — посмотреть, как идут дела. Так-то я созванивался

с людьми в Штатах, но по телефону много не говоришься, притом по таким грабительским тарифам. Мне нужно съездить.

— Тарифы ему не нравятся! — фыркнул Семичастный. — Да при твоих капиталах ты сутками можешь не слезать с телефона! Вот же жадный кулачок! Я что, не знаю, что ты еще больше ста миллионов долларов отсудил у букмекеров? Там такой вой стоит в газетах — до небес!

— Я не жадный, я рачительный! — тоже фыркнул я и добавил уже серьезно: — Разрешите идти?

— Иди... полковник! — кивнул Семичастный. — Завтра чтобы был на месте.

И я вышел. И пошел по знакомой ковровой дорожке, которая удивительно эффективно глушила шаги.

Неделя, которую мы с Ольгой провели в Крыму, была просто... я даже не знаю, как это назвать! Это был Крым. Не Крымнаш, не Крым-жовтоблакитный — просто Крым, советская здравница. Именно здравница, потому что не зря сюда некогда приехал Чехов, чтобы избавиться от туберкулеза. Сухой, чистый воздух Крыма очень даже способствует выздоровлению людей с легочными заболеваниями — в отличие от сочинского. Я ничего не имею против Сочи, кроме одного — в том же Адлере ты встаешь утром где-нибудь в доме на берегу Имеретинской бухты (самая чистая морская вода Сочи именно там), а на машине слой воды едва ли не в палец. И она каплями и струями стекает на землю. Бешеная, просто сумасшедшая влажность! Нездоровый климат. Сейчас уже мало кто помнит, но вообще-то сочинские места (тот

же Адлер) были местом ссылки декабристов, которые работали на осушении сочинских гнилых комариных болот.

Совсем другое дело Крым! Чистая морская вода, пляжи — и песчаные, и каменные, и просто каменистый красивый берег! Украина в свое время хапнула хорошенький такой кусочек России, загадила Крым, выкачивая из него ресурсы и ничего не возвращая назад, а когда крымчане, видя такой беспредел, быстренько сбежали в Россию — объявила Крым оккупированным и потребовала возврата. Ага... щас прям! Крымчане, радостные, что сбежали от Незалежной, крутили дули и показывали факи свидомым патриотам, которые кричали о том, что обязательно вернут Крым, и в совсем даже недалеком будущем.

Кстати сказать, если бы Украина не повела себя так мерзко, так глупо и хапужнически — Крым от нее никуда бы не делся. Я был в Крыму, когда Союз только-только развалился. И видел настроение крымчан — они, между прочим, были в основной массе очень довольны отделением от России. Мол, вот теперь заживем! Вот теперь нам попрет! А то Москва с нас все высасывала! А потом началось... беспредел крымских татар, наглое хапужничество украинских чиновников и олигархов, которые творили в Крыму все что хотели, и самое главное — разгул бандеровских недобитков на территории всей Украины. И это при катастрофическом снижении доходов крымчан.

А откуда возьмутся доходы? «Кляты москали» резко перестали ездить в Крым, предпочитая ему сочинский парник, а украинские туристы... ну что с них проку? Безденежные и очень даже «рачитель-

ные» в своих поездках по Крыму. Не разгуляешься! Цены на недвижимость в Крыму резко упали, море — это не главный фактор того, что человек захочет приобрести здесь жилье. Надо еще где-то заработать денег на прожитье.

А вот потом... когда Крым «вернулся в родную гавань» — тогда и понеслось. Цены скакнули вверх просто невероятно! В Ялте за какую-нибудь древнюю халупу с участком в две сотки требовали девять-десять миллионов. А когда хозяина спрашивали — не спятил ли он? — хозяин этот самый с ухмылкой говорил, что москвичи все скупают и у него купят тоже. И вообще: «Вам теперь что, все даром раздать?!»

Тот Крым, в котором были мы с Ольгой, — был совсем другим Крымом. «Настоящим»! Мы поселились в гостинице, куда пускали только иностранцев и номенклатуру. Это гостиница «Ореанда», которая работала как в будущем — по системе «все включено». Простой советский гражданин туда попасть не мог, хотя цена на проживание в люксе была, можно сказать, смешной — всего пять рублей за двухместный номер с телевизором, холодильником и даже кондиционером. Прежде чем выехать в Крым, я позвонил по известному телефонному номеру, и все было устроено в считанные часы. Когда мы с Ольгой оказались в прохладном холле гостиницы «Ореанда», нас уже ждали ключи от люкса, за который, кстати, я не заплатил ни копейки. «Халява, плиз!»

Хорошая гостиница. Эдакий уголок высшего советского шика! Плюшевой безвкусицей назвать язык не повернется — просто сейчас так модно.

Кстати сказать, мой белый «Кадиллак» у входа в гостиницу смотрелся хоть и эпично, но не совсем так вызывающе, как в Москве или где-нибудь в Воронеже с Саратовом. По одной простой причине — рядом с «Ореандой» парковались и «Чайки», которые возили чиновников самого высшего ранга. Всю неделю так и стояли рядом — наш «кадди» и белая «Чайка», и кому она принадлежала, я так все-таки и не узнал.

Да по большому счету и не хотел узнавать. Мы уезжали утром и приезжали вечером — катались по всему Крыму, открыв верх и наслаждаясь сладким крымским воздухом. Обедали в ресторанах, которые попадались на пути, загорали на пляжах, которые увидели и которые нам понравились.

Даже на нудистский пляж забрели в какой-то закрытой бухте. Ольга, ничуть не стесняясь окружающих, тут же разнагишалась и подставила солнцу незагорелые участки своего красивого ухоженного тела. Очень даже красивого тела. Ну а я последовал ее примеру, и почти полдня мы валялись, поджариваясь, как бифштексы на сковороде. Благо, что Ольга довольно-таки смуглая (брюнетка ведь!), а я так вообще не сгораю. И раньше практически не сгорал, в своем мире, а теперь и тем более не сгораю — гомеостаз не позволяет. Тут же становлюсь темным, как мулат. И Ольга говорит, что загар мне идет.

В общем — отдыхали мы в Крыму как в последний раз. Мало ли что там, впереди, но эта неделя наша! Только солнце, только море, только воздух. Ну и все, что к этому прилагается, — вкусная еда, вкусное вино, вкусный секс, которым мы занимались

там, где нам приспичит. Захотели по дороге — отъехали в сторонку, и понеслось! Или забежали за скалу. Или обнялись в море и вроде как обжимаемся, на самом деле активно занимаясь «процессом».

Кстати сказать, таких, как мы, тут было полным-полно, так что наша парочка особо и не выделялась. Ну... пока не садились в «Кадиллак»-кабриолет. Тогда десятки и сотни завистливых взглядов упирались в наши поджаренные на солнце лица. Девушки и женщины истово завидовали Ольге — рядом с молодым мужиком, в иномарке-кабриолете! «Вот сучка!»

Ну а мужчины завидовали мне — за рулем кабриолета, с красивой девушкой! «Вот козел!»

Но мы уже как-то начали привыкать к излишнему вниманию и практически не обращали на него внимания. Меня нередко (можно даже сказать — очень часто) узнавали в магазине, на набережной, в гостинице, и не только советские граждане. Двое французов (парочка лет сорока), каким-то образом оказавшиеся в Крыму, бросились ко мне с моей книгой и попросили автограф, на ломаном русском языке объясняя, как они любят мои книги и все такое прочее. Расписался, чего уж там.

Ну а про встречи с советскими гражданами и говорить нечего — наш народ непосредственен, и нашим людям ничего не стоит подойти и, обдав запахом разливного вина (оно здесь продается прямо из бочек на улице, как квас), спросить: «Это не вы тот самый Карпов? Ну что песни пел на Девятое мая! Можно, мы с вами сфотографируемся?» И неважно, что я сейчас не в том настроении или просто сижу в ресторане и у меня стынет бифштекс — попробуй

откажи! Сразу сделаешься снобом, зазнайкой, который ни в грош не ставит простого советского человека. Было и такое. Хотя в основном я стискивал зубы и фотографировался с довольными отдыхающими, изображая из себя ручную обезьянку. «Фотку делаем! Фотку! Фотку делаем!».

Я старался маскироваться — надевал темные очки, кепочку, но... народ у нас удивительно глазастый. Да и на пляже — не будешь же сидеть в очках и кепке? Хорошо хоть, на нудистском пляже не просили обнять их жену или подержать ее на руках — фото на память с голым Карповым.

Но вообще в остальном все было замечательно. Издержки популярности — терпи, раз поднялся! Когда уезжали, даже стало немного грустно. Вот и кончилась неделя! Все когда-нибудь кончается, но хорошее почему-то гораздо быстрее плохого.

Немного опасался, что мой «кадди» не выдержит длительной поездки по советским дорогам и где-нибудь накроется медным тазом. Отремонтировать его в СССР представляется огромной проблемой. Запчасти надо заказывать из США, да похоже, что и мастера-слесаря — тоже. Однако «Кадиллак» выдержал и дороги, и мародеров (они к нему просто боялись приближаться), кушал советский бензин и только гулко урчал могучим движком. Расход у него, конечно, не такой, как у той же «копейки».

Кстати — пожалел, что не перегнал ее из Саратова. «Копейка» незаметна, не то что белый мастодонт с открытым верхом. Иногда хочется куда-нибудь съездить, не задействуя транспорт КГБ. Да и мало ли что там, впереди... хочется иметь под рукой запасной вариант в плане транспорта. На «копейке» тоже

можно уехать хоть на Сахалин — если понадобится. Да и пальцем никто не показывает.

Вообще я немного устал. Эти два года непрерывной гонки, борьбы, нервозности всех видов — это на самом деле утомляет. Да и непрерывная выдача на-гора такого количества текста не проходит даром. Мозги начинают кипеть. Хочется забиться в какую-нибудь нору и никого не видеть минимум недели две! Или месяц. Кроме тех, кого видеть все-таки хочется.

Ольгу, например. С ней мне легко и приятно — во всех отношениях. Она не напрягает. Легкая в общении, никогда не ноет, всегда и всем довольна — во всем находит свои позитивные моменты. С ней и поговорить, и сексом позаниматься — одно удовольствие!

Кстати, и сексом занимается с полной отдачей, и не брезгует ничем, говорит, что в сексе нет никаких запретов. Ну... тут я с ней не согласен, кое-что я на дух не переношу, всякой там грязи и гадких извращений, но в общем-то я с ней согласен. И вообще приятно знать, что у тебя есть женщина, которая тебе ни в чем не откажет. И друг, и любовница в одном флаконе. Она за меня глотку перегрызет, если что, и не будет закатывать глаза и падать в обморок, если мне грозит смертельная опасность. Уверен в этом. Проверено.

Когда мы вернулись в нашу квартиру на Котельнической набережной, закрывая входную дверь, Ольга вздохнула и грустно улыбнулась:

— Знаешь, наверное, это были самые лучшие наши с тобой дни вместе. У меня такое ощущение, что больше такого не повторится. Жаль, что так мало. Но только ради этого стоило жить!

Я посмеялся — мол, что за пессимизм?! Что за пораженческие настроения?! Но на самом деле у меня тоже было такое ощущение, только я в этом признаваться не хотел.

Мы поставили наш «кадди» на его законное место в подземном гараже высотки и с тремя здоровенными чемоданами поднялись в нашу квартиру. И откуда только столько барахла набралось? Вроде ничего такого и не покупали... Выезжали — был один чемодан, приехали — с тремя. Ну да, заходили в тамошнюю «Березку», которая там называется совсем не «Березка», прикупили кое-какого барахла, но мне казалось — совсем мало, не такие уж объемы! А может, мне показалось... Ольга хватала все подряд — купальники, чулки, нижнее белье, платья, брюки — я только успевал оплачивать. И самое смешное, что почти ничего из купленного так ни разу и не надела. Видимо, весь фан был именно в покупках. Сам процесс приводит к чему-то вроде оргазма.

Я вот терпеть не могу посещать магазины и заниматься шопингом — для меня это нож острый. Ходить, рассматривать, щупать, мерить... ффффуу! А для женщин шопинг, с моей точки зрения, какое-то извращенное удовольствие! Особенно когда знаешь — тебе купят все, что ты попросишь. И пусть продавщицы только глаза округляют!

Никого из наших соседей по высотке не встретили — если не считать консьержей и милиционеров при входе, почтительно взявших под козырек. Ну и лифтера, который тут же уцепился за чемодан и предложил мне помочь донести, от чего я с благодарностью отказался. Я совсем еще не стар, чтобы пенсионер-лифтер таскал мои чемоданы. Подарил

ему бутылку крымского вина — лифтер долго распинался в благодарностях.

Ну да, по календарному (если можно так выразиться) возрасту мне сейчас около пятидесяти двух лет. По реальному, физическому возрасту организма — максимум двадцать пять. Как сказала Ольга — у меня каждая мышца играет, как у какого-нибудь культуриста, особенно когда загорел, ну просто модель для художника и скульптора. Все девицы и женщины на пляже шеи свернули, на меня исподтишка глядячи. Ольга со смехом рассказывала, как женщина из парочки, расположившейся по соседству, ругала своего грушеобразного мужа, приводя ему в пример меня как настоящего мужика. Конкретно сказала, что, если бы я ее поманил, она ушла бы за мной на край света! Вцепилась бы и никуда меня не отпустила! Настоящий самец! Мужчина! Не то что он, жалкая, ничтожная личность!

Честно сказать, я эту женщину не помню и ничего такого не слышал. Если я и смотрю на женщин, то на особо красивых, фигуристых, спортивных. Особенно если таковые имелись на нудистском пляже (а они имелись). Но когда с тобой женщина, которую можно условно взять за идеал и фигуры, и характера, и интеллекта, — ну на кой черт мне какие-то рыхлые матроны, мечтающие удрать с любовником на край света? Я на них вообще не смотрю. Не интересно.

Только лишь мы вошли в квартиру, прозвенел телефонный звонок. Уже донесли, это уж само собой — Карпов дома! Знакомый голос пригласил меня на встречу с Семичастным — на следующий день к двенадцати часам. Само собой, от таких

встреч не отказываются, так что на завтра я сидел в кабинете своего наивысшего начальства (если забыть про Провидение) и слушал его видение моей будущей жизни.

Честно сказать, мне ужасно хотелось свалить отсюда куда подальше. Я и в своем мире по горло наелся армейской службой, так еще и в «послесмертии» мне пришлось заниматься практически тем же. Тошнит уже! Я хочу писать книги! Снимать фильмы! Делать телевизионные шоу! Да просто бездельничать, отправившись вдоль побережья на своей яхте! Зря, что ли, купил виллу на побережье США? Столько планов, столько хочется успеть сделать!

Увы... долг превыше всего. Вначале я сделаю так, чтобы Союз сохранился. Чтобы он не развалился — ни за что и никогда! И уже потом займусь удовлетворением своих желаний. Ведь, в конце-то концов, зачем я занялся бизнесом? Для чего заработал такие деньги и получил такую известность? Чтобы безопасней было заниматься главным делом моей жизни — сохранением СССР! И я добьюсь этого. Добьюсь, чего бы это мне ни стоило!

Разговор с Семичастным меня, можно сказать, не удивил. Единственное, о чем я пожалел, — не задержался на курорте подольше. Ну хотя бы еще на неделю. Уж больно славно все получилось! Но надо и честь знать — потехе только час. Делу — вся жизнь.

То, что американский президент перенес свой визит, — это совершенно понятно, и чего-то подобного я ожидал. Выкорчевать из ФБР и властных структур всех заговорщиков — дело очень непростое и не одного дня. Гувер помер, как я и ожидал, как это

и было в нашем времени, но его люди остались. Этот паук сидел на своем месте десятки лет и протянул свою паутину на всю страну. И не только на США.

Ну что же, до осени еще потерплю, обучу моих, так сказать, преемников системе подготовки спецов моего типа и... займусь наконец интересными делами. Есть у меня задумки... если выгорит — Билл Гейтс отдыхает! Я буду круче!

Зачем круче? Да все затем же — влиять на цивилизацию так, чтобы она шла в нужном направлении. Мессианство? Да, мессианство. И я Мессия. Никому об этом не скажу, только себе. Долго думал над тем, зачем я здесь, и пришел к выводу: я заброшен сюда затем, чтобы земляне не уничтожили и себя, и саму Землю.

Слишком фантастично? А не более фантастично, чем существование Вселенной! Кто ее создал? Зачем? Из чего? Бог? Провидение? Назову его все-таки «Провидение». Ну, так вот: возьмем за рабочую версию тот факт, что в будущем могла начаться третья мировая война, способная уничтожить цивилизацию и выжечь Землю. А то и превратить ее в груды камней, плавающих вокруг Солнца. Возможно, так и закончила планета Фаэтон — если верить некоторым ученым.

Представим, что та же Земля суть организм, и люди входят в его структуру, как бактерии живут в организме человека. Если бактерии ведут себя правильно — организм здоров. Если начинают «хулиганить» — организм болеет и гибнет. Я, конечно, утрирую, все гораздо сложнее, но... скорее всего, так. И вот Земля выбирает некую «бактерию», по одной ей ведомым критериям, и засылает ее, то есть меня,

в прошлое, с целью заставить «колонию бактерий» изменить свое поведение, чтобы повлиять на принятие решений руководства «колонии». Чтобы избежать тотальной мировой войны, которую никто не переживет.

Я не знаю, не могу знать — почему не переживет. Возможно, изобретут оружие, которое способно уничтожить планеты. Возможно, что это оружие применит какой-нибудь безумный «ястреб» из числа доносящих демократию до неразвитых, «не демократических» стран. А наши ответят. Обязательно ответят, я знаю! И все вместе разнесут планету в космическую пыль.

И вот тут я — законсервированный, закапсулированный, с абсолютной памятью, неубиваемостью и, наверное, вечный. И я должен сделать все, чтобы цивилизация жила. Чтобы Земля жила.

Что может сделать один человек? Да много чего может! Пусть даже тысяча людей будет доказывать, что роль личности в истории ничтожна — это чужь. От личности зависит очень многое. Иногда — все!

Думаю, что пока я все делаю правильно. Иначе меня бы, скорее всего, уже не было в живых. И я чувствую, что все делаю правильно. И будь что будет.

«Я сделал все, что мог, и пусть другой сделает лучше меня!» Нет, не надо другого. Я сделаю. И только я.

* * *

И снова чемоданы — числом три. Только теперь в них не пляжные принадлежности, а то, без чего нельзя или не хочется жить длительное вре-

мя. Сменные брюки-рубашки, платья и юбки, белье нательное и постельное. Не знаю — есть ли постельное белье на Даче, лучше перестрашуемся. В общем — чемоданы получились не менее тяжелыми, чем по приезде с курорта. Консьержи и милиционеры на входе проводили нас удивленными взглядами, но ничего не спросили — вышколенная служба. Кому какое дело, куда отправляется жилец? Может, это государственная тайна! Кстати, так оно на самом деле и было.

Загрузили чемоданы в наш белый, изрядно запылившийся «Кадиллак», и через несколько минут он плавно, как линкор по морю, выплыл из ворот гаража, просигналив знакомому сторожу, довольно помахавшему вслед рукой.

Приятно человеку, что его не игнорируют такие важные персоны, раскатывающие на белых «Кадиллаках». А почему бы не сделать человеку приятно, особенно если тебе это ничего не стоит? Бибикнул, вот он и рад вниманию, а потом расскажет где-нибудь в тесной компании, что знается с самим Карповым («Ну вы знаете — писатель, герой Советского Союза! Песни еще поет классные!») и тот не гнушается здороваться при каждой встрече.

Кстати сказать, я вообще никогда не считал для себя зазорным здороваться со всеми, кого знаю. И кого не знаю — тоже. Вежливость — она не только способствует сохранению хорошего настроения, иногда она может и спасти. Поздоровался с человеком, а он, может, хотел тебе вогнать нож в спину! И после твоего «здравствуйте» — передумал.

Утрирую, конечно, но суть такова. И теперь, когда я стал таким узнаваемым и публичным, — вежливо